

Джуд Деверо

Девственница

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д25

Серия «Шедевры Джуд Деверо»

Jude Deveraux

THE MAIDEN

Перевод с английского *Т. А. Перцевой*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства Pocket Books,
a division of Simon & Schuster Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Деверо, Джуд.

Д25 Девственница : [роман] / Джуд Деверо ; [пер. с англ. Т. А. Перцевой]. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с. — (Шедевры Джуд Деверо).

ISBN 978-5-17-090204-0

Роуан — мужчина, которому надлежит стать правителем непокорных северных племен...

Джура — женщина, готовая с мечом в руках защищать от него свой народ...

Казалось, они должны возненавидеть друг друга. Но любовь, не ведающая преград, связала их пламенными, нерасторжимыми узами.

И теперь, когда Роуан и его рыцари вторглись в наследные земли Джуры, юной воительнице будет нелегко сражаться с мужчиной, которому она отдала свое сердце...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Lisa Falkenstern, 1988
© Перевод. Т.А. Перцева, 2008
© Издание на русском языке AST Publishers,
2015

ISBN 978-5-17-090204-0

Глава 1

Англия, 1299 год

Уильям де Боун, прячась в тени каменных стен замка, не сводил глаз с племянника, сидевшего у оконного проема. Тот, сосредоточенно хмурясь, изучал какую-то рукопись. Волосы молодого человека отливали на солнце чистым золотом, лицо в свете дня казалось безупречно красивым. Уильям боялся подумать о том, как много значит для него племянник, как привязался он к Роуану за эти годы. Мальчик стал Уильяму кем-то вроде сына. Как жаль, что его собственные сыновья в подметки не годятся Роуану!..

Глядя на высокого, широкоплечего, узкобедрого красавца, Уильям в который раз поражался, как от темноволосого, смуглого, уродливого Тала мог родиться такой сын, как Роуан. Тал называл себя королем Ланконии, но одевался в меховые шкуры животных, длинные грязные волосы ни разу не подстригались, ел он руками и выражался как варвар, каким и был на самом деле. Уильям не скрывал своего отращения к Талу и позволил ему оставаться в своем доме исключительно по приказу короля Эдуарда. Уильям оказывал Талу всяческое гостеприимство и велел управителю развлекать грубого, вульгарного молодого человека, но сам старался держаться от него как можно дальше.

Теперь при виде Роуана душа Уильяма переворачивалась от горя, исполненная неизбывной тоски. Пока он занимался своими делами, почти забыв о короле варваров, его прекрасная, добрая, милая сестра Энн влюбилась в дикаря. К тому времени как Уильям осознал, что происходит, Энн уже была так очарована этим человеком, что грозилась покончить с собой, если не получит его в мужья. Глупый король варваров даже не понимал, что Энн подвергает опасности свою бессмертную душу одним упоминанием о самоубийстве.

Никакие доводы Уильяма не смогли разубедить Энн. Тот расписывал, как отвратителен Тал, но Энн смотрела на брата как на безумца.

— Женщины не находят его отвратительным, — заметила она, смеясь над брезгливой гримасой Уильяма, живо представившего смуглые жирные руки Тала, обнимающие хрупкую светловолосую Энн.

К несчастью для Уильяма, окончательное решение было принято королем Эдуардом. Он объявил, что хотя население Ланконии невелико, все же они — свирепое племя, и если их король возжелал богатую английскую невесту, значит, получит ее.

Поэтому король Тал женился на Энн, красавице сестре Уильяма. Последний пил беспробудно десять дней, в надежде, что, когда протрезвеет, все это окажется сном. Но, очнувшись от пьяного беспамьятства, первым делом увидел Тала. На голову выше его высокой сестры, он не отходил от нее, словно окутывая светлую прелесть Энн зловещей тьмой.

Девять месяцев спустя на свет появился Роуан. С самого начала Уильям обожал хорошенького светловолосого мальчишку, тем более что жена так и не родила ему детей. Тал со своей стороны не интересовался малышом.

— Ба! С одного конца вырываются вопли, с другого — вонь. Дети — женское дело. Подожду, пока он станет мужчиной, — пробурчал он на своем ломаном английском. Его гораздо больше интересовало, когда Энн достаточно оправится от родов, чтобы вернуться в его постель.

С тех пор Уильям разве что только не усыновил Роуана, проводил с ним почти все время, мастерил для него игрушки, забавлял мальчика, держал пухлую ручонку, когда тот делал первые шаги. Роуан быстро становился центром всей жизни Уильяма.

Когда Роуану было чуть больше года, родилась его сестра Лора, похожая на брата, хорошенькая светловолосая малышка. Она тоже не унаследовала ничего от своего смуглого отца. Когда Лоре исполнилось пять дней, Энн умерла.

Уильям был вне себя от скорби и ничего кругом не замечал. Он не видел мрачной опустошенности Тала. И знал одно: именно Тал стал причиной смерти любимой сестры. Он велел Талу убраться из его дома.

Тал покорно ответил, что соберет своих людей и детей и завтра же утром вернется в Ланконию.

В ту минуту Уильям не понял, чем это ему грозит, но, услышав шум во дворе, понял, что Тал намеревается увести Роуана и Лору. Понял — и потерял рассудок. Сейчас им, человеком рассудительным, владели ярость, скорбь и страх. Собрав своих рыцарей, он напал на Тала и его личного телохранителя, пока те спали.

Уильям никогда не видел, чтобы люди так жестоко дрались, как эти ланконийцы, хотя на каждого их воина приходилось четверо англичан. И все же трое, включая Тала, удалось сбежать. Заливая землю кровью из глубоких ран на руках и ногах, зажимая

еще одну, на правой щеке, Тал стоял на стене замка в розовом рассветном сиянии и проклинал Уильяма и его деяния. Напоследок он добавил, что знал, как Уильям жаждет получить принца Роуана, но этому не суждено сбыться. Роуан — ланкониец, а не англичанин, и когда-нибудь вернется к отцу.

Потом Тал и его люди перебрались через стену и исчезли в лесу.

С той поры Уильяма преследовали неудачи. Вся его жизнь, ранее беззаботная и спокойная, превратилась в цепь бед и неприятностей. Месяцем спустя его жена умерла от оспы, которая также убила половину его крестьян. Пшеница так и осталась неубранной на полях. К тому же в том году выпал ранний снег, и урожай сгнил.

Уильям женился снова, на богатой пятнадцатилетней толстушке, оказавшейся плодовитой, как кролик. Она родила ему четверых сыновей и, очень вовремя, скончалась в последних родах. Уильям не особенно грустил, поскольку ее молодое тело с некоторых пор перестало его привлекать: легкомысленная глупая девчонка не была ему достойной спутницей.

С тех пор ему приходилось заботиться о своих детях и детях Энн, контраст между которыми был поразителен. Роуан и Лора были высокими, красивыми, златовласыми, готовыми всему учиться, умными, вежливыми, в то время как его собственные сыновья отличались глупостью, неуклюжестью и злобностью. Они ненавидели Роуана и немилосердно издевались над Лорой. Уильям сознавал, что это Господь наказывает его за содеянное с Талом. Он даже стал верить, что дух Энн мстит ему за преступление против ее мужа.

Когда Роуану исполнилось десять лет, в замок Уильяма пришел старик с бородой до пояса и золо-

тым венцом, усаженным четырьмя рубинами на голове. Он сказал, что его зовут Фейлан, что он из Ланконии и должен обучить Роуана ланконийским обычаям.

Уильям едва не проткнул старика мечом, но вмешался Роуан. Мальчик словно заранее знал о появлении этого человека и ждал его.

— Я принц Роуан, — торжественно объявил он.

В этот момент Уильям понял, что теряет самое дорогое, что у него было на земле, и никак не может предотвратить потерю.

Старый ланкоинец остался, спал где-то в закоулках замка, — Уильям не интересовался, где именно, — и все дни проводил с Роуаном. Тот всегда был ребенком серьезным, старавшимся выполнять все поручения Уильяма, но теперь, казалось, его способности к обучению были безграничны. Старик обучал Роуана не только в классной комнате, но и на ристалище. Сначала Уильям протестовал, поскольку некоторые ланконийские способы борьбы были, по его мнению, бесчестными и не подобавшими рыцарю. Но ни Райан, ни Фейлан не обращали внимания на его возражения, и Роуан учился драться пешим не только мечом и копьем, но и палками, дубинками и, к ужасу Уильяма, даже кулаками. Истинные рыцари сражались только сидя в седле.

Роуана не отдали на воспитание в семью соседа, как других молодых людей благородного происхождения, но оставили в замке дяди и позволили учиться у Фейлана. Сыновья Уильяма, один за другим, покинули замок, чтобы жить в семьях других рыцарей и служить оруженосцами. Вернулись они с рыцарскими шпорами и еще больше возненавидели Роуана. Достигнув совершеннолетия, они неизменно вызывали его на бой, в надежде одолеть и тем самым заслужить одобрение отца.

Но Роуан с легкостью выбивал их из седла и возвращался к своим занятиям, даже не вспотев.

Сыновья Уильяма громко протестовали против присутствия кузена в их доме, и тот молча наблюдал, как они подкладывают острые шипы растений под седло Роуана, крадут его драгоценные книги, высмеивают в присутствии гостей. Но Роуан никогда не выходил из себя, что еще больше бесило его неотесанных родственничков. Единственный раз Уильям увидел, как рассердился Роуан, когда его сестра Лора попросила разрешения выйти замуж за мелкопоместного барона, часто приезжавшего в замок. Роуан в гневе кричал на сестру, что та — ланконийка и, когда ее призовут, должна вернуться домой. Уильям был потрясен не только взрывом Роуана, но и его отношением к Ланконии как к «дому». Он остро ощутил, что его предали, словно вся любовь, которую отдал мальчику, пропала втуне и Роуан ответил черной неблагодарностью. Именно поэтому Уильям встал на сторону Лоры. Но ее муж умер через два года, и Лора вернулась в дом дяди с малышом Филиппом. Роуан с улыбкой приветствовал сестру.

— Теперь мы будем готовы в любую минуту покинуть замок, — кивнул он, обнимая Лору и беря у нее племянника.

И вот сейчас Уильям наблюдал за Роуаном. Прошло двадцать два года с тех пор, как прелестная сестра Уильяма родила златовласого мальчика, и все это время он любил Роуана больше собственной души. Но сейчас все кончено, ибо за стенами встала сотня смуглых, темноволосых, покрытых шрамами ланконийских воинов на коротконогих, широкогрудых лошадках. Все мрачны как туча и вооружены до зубов: очевидно, предвидят драку. Их предводитель выехал вперед и объявил, что они явились за детьми

Тала. Что последний лежит на смертном одре и Роуана объявят королем.

Первым порывом Уильяма было отказать им, сражаться за Роуана до последней капли крови, но его старший сын оттолкнул стоявшего в нерешительности отца и приветствовал ланконийцев с распростертыми объятиями. Уильям понял, что потерпел поражение. Нельзя удерживать того, кто рвется уйти. С тяжелым сердцем он поднялся в солар Лоры, где Роуан, сидя у окна, изучал очередную рукопись. Его наставник, к этому времени совершенно одряхлевший, при виде Уильяма с трудом встал и, подойдя к Роуану, медленно опустился на одно колено. Роуан изумленно поднял брови, но тут же, сообразив что-то, кивнул.

— Да здравствует король Роуан! — воскликнул старик, склонив голову.

Роуан с тяжким вздохом глянул на Лору. Та уронила шитье.

— Пора, — тихо объявил он. — Мы едем домой.

Уильям поскорее ускользнул, чтобы никто не увидел его слез.

Ланкония

Джура неподвижно стояла по колено в воде, высоко занеся легкое копье и пристально наблюдая за лениво плывущей рыбой, чтобы вовремя насадить ее на острие. Солнце еще не поднялось, но было достаточно светло, чтобы видеть очертания Тарновийских гор за ее спиной и тень рыбы у ее ног.

Джура бросила свободные штаны и костюм воина на берегу, оставшись в мягкой вышитой тунике, служившей главным знаком отличия ее профессии. Ноги и бедра оставались голыми. Вода была ледяной, но

девушка привыкла к неудобствам и с ранних лет приучалась игнорировать боль.

Откуда-то слева послышался шум. Судя по легкости шага, сюда шла женщина. Джура не двинулась с места, но мгновенно напрягла мышцы, готовая наброситься на врага. И продолжала держать копьё над головой. В любую секунду она резко обернется и метнет копьё в неизвестную.

Еще минута, и Джура улыбнулась уголком губ. Это Силин! Силин, ее наставница и подруга, почти бесшумно пробирается по лесу. Успокоившись, Джура насадила на острие жирную рыбку.

— Позавтракаешь со мной, Силин? — окликнула она, снимая с копья бьющуюся добычу и бредя к берегу. Джура была очень высока, с великолепным телом, закаленным годами жестоких, изматывающих тренировок.

Силин выступила из гущи деревьев и улыбнулась подруге:

— Твой слух, как всегда, превосходен.

На ней тоже были белая туника и широкие штаны ириалского воина, дополненные высокими мягкими кожаными сапогами, перевязанными подвязками крест-накрест от щиколоток до колен. Она была столь же высока, как Джура, с длинными стройными ногами, упругой грудью, гибкой спиной и держалась прямо, как березка. Вот только лицо не отличалось такой же пугающей красотой, как у Джуры. Кроме того, последней было восемнадцать, а Силин уже исполнилось двадцать четыре, и годы оставили на ней свой след.

— Он приехал, — тихо сообщила Силин.

Единственным признаком того, что Джура услышала, была едва заметная заминка перед тем, как она

принялась укладывать хворост для костра, на котором собралась жарить рыбу.

— Джура, — умоляюще пробормотала Силин, — рано или поздно ты должна будешь с этим смириться.

Она говорила на ириалском диалекте Ланконии, мягком, певучем, прокатывая звук «л».

— Он станет нашим королем.

Девушка выпрямилась и яростно развернулась лицом к подруге, так, что длинные темные косы разлетелись в разные стороны.

— Он не мой король! — злобно прошипела она. — И никогда не будет моим королем! Он англичанин! Не ланкониец! Его мать была изнеженной, безвольной англичанкой, из тех, кто целыми днями сидит у огня и шьет. У нее даже не хватило сил родить Талу много детей. Джералт — вот кто законный король! У него мать — ланконийка.

Силин, слышавшая это сотни раз, покачала головой:

— Да, Астри была прекрасной женщиной, и Джералт — великий воин, но право первородства не у него, да и Астри никогда не была законной женой Тала.

Джура отвернулась, пытаясь взять себя в руки. Во время тренировок она могла быть совершенно хладнокровной и сохранять ясность мысли, даже когда Силин изобретала очередной трюк. Но когда речь заходила о Роуане и его праве на трон, Джура совершенно теряла голову от обиды за Джералта. За много лет до ее рождения король Тал отправился в Англию поговорить с тамошним монархом и попытаться заключить союз дружбы. Но вместо того чтобы добиваться своей цели, он пренебрег делами Ланконии и поддался чарам ничтожной, ни на что не годной англичанки. Мало того, женился на ней и оставался

в Англии два года. Жена произвела на свет двух жалких крошечных малышек, которые оказались слишком слабы, чтобы вернуться в Ланконию вместе с отцом, когда умерла их мать.

Люди толковали, что после возвращения домой Тал уже никогда не был прежним. Отказался жениться на приличной ланконийке из хорошей семьи, хотя на некоторое время взял в свою постель прекрасную, благородную Астри. Она родила Талу Джералта, сына, которым пристало гордиться каждому мужчине, но отец остался равнодушен к ребенку. В отчаянии, надеясь вынудить Тала жениться на ней, Астри попросила разрешения выйти замуж за Джоста, самого доверенного охранника короля. Тал едва соизволил пожать плечами в знак согласия. Через три года после рождения Джералта Астри произвела на свет Джуру.

— Джералт имеет право на трон, — повторила Джура уже спокойнее.

— Но Тал выбрал другого. Если он хочет, чтобы королем стал сын от англичанки, мы должны уважать его волю.

Джура принялась рассерженно чистить рыбу.

— Я слышала, что он белокож и светловолос. Боясь, он так же тонок и хрупок, как пшеничный колос. У него есть и сестра. Уж она, несомненно, будет ныть и жаловаться на отсутствие привычных удобств. Как мы сможем почитать короля-англичанина, который ничего о нас не знает?

— Тал много лет назад послал к нему Фейлана. Я слышала легенды о мудрости этого человека.

— Ба! Он — из пойленов, — презрительно бросила Джура, имея в виду другое племя ланконийцев. Члены этого племени считали, что могут сражаться словами. Молодых людей обучали чтению и письму,

а не обращению с мечом. — Как может пойлен научить человека быть королем? Что он знает о битвах? Когда племя зернас нападет на наш город, новый король, скорее всего, попытается умиловить их волшебными сказками, пока бедняги от скуки не попадают с коней.

— Джура, ты несправедлива! Мы еще не видели этого человека. Он сын Тала и...

— Как и Джералт! — оборвала Джура. — Разве может этот англичанин знать о Ланконии столько, сколько Джералт?

Она широким жестом обвела горы на севере, прекрасные горы, веками защищавшие Ланконию от вторжения врагов.

— Он никогда не видел наших гор, — добавила она, словно уже одно это было несмываемым позором.

— И не видел меня, — тихо добавила Силин.

Джура широко раскрыла глаза. Несколько лет назад Тал объявил, что желает женитьбы своего сына Роуана на Силин.

— Тал наверняка забыл об этом. Столько времени прошло! Тогда ты была совсем ребенком.

— Не забыл. Сегодня утром, когда он услышал, что его английский сын уже приблизился к реке Сайар, почувствовал в себе достаточно сил, чтобы послать за мной. Хочет, чтобы мы с Дейром встретили его.

— С Дейром? — ахнула Джура, но тут же улыбнулась при мысли о высоком, красивом, темноглазом Дейре, предназначенном ей в мужа, мужчине, которого она любила с детства.

Силин брезгливо поморщилась:

— Ты беспокоишься только за человека, которого любишь! Тебе все равно, что мне приказали выйти за того, кого сама считаешь слабым, ничтожным...

— Мне очень жаль, — пробормотала Джура, чувствуя себя виноватой в себялюбивых помыслах. Почему она думает только о себе?! Как ужасно стать женой человека, которого не знаешь! День за днем жить с мужчиной, каждое движение, каждая мысль которого чужды и неприятны тебе. — Прости меня. Неужели Тал действительно велел тебе выйти замуж за... за этого...

Она не могла найти подходящего описания для чужака.

— Он сказал, что давно задумал именно это.

Силин уселась на землю у маленького костерка, разведенного Джурой, и сокрушенно покачала головой:

— Думаю, Тал боится того, чего боишься ты. Что этот его сын, которого он не видел столько лет, окажется именно таким, каким ты его представляешь. Но Тал исполнен решимости настоять на своем. Чем больше люди стараются его разубедить, тем непреклоннее он становится.

— Понимаю, — задумчиво протянула Джура, не сводя глаз с Силин. Возможно, Тал и не такой любящий глупец, которым она его воображала. Силин — разумная, здравомыслящая женщина, которая не раз показывала себя храбрым воином на полях сражений. Силин всегда умела управлять своими эмоциями и держать себя в руках даже в самых запутанных обстоятельствах. Если этот английский принц так же слаб, как говорят люди, именно ум и мудрость Силин помогут ему удержаться на троне. — Пусть королем Ланконии будет капризное английское отродье, зато нашей королевой станет мудрая ланконийка.

— Спасибо, — выдохнула Силин. — Да, думаю, именно это Тал и имел в виду, и его доверие — большая честь для меня, но я...

— Ты хочешь иметь в мужьях настоящего мужчину, — с чувством закончила Джура. — Кого-то вроде Дейра: высокого и сильного, сладострастного и умного, и...

— Да, должна признаться, моя ближайшая подруга, что, с одной стороны, это действительно большая честь, а с другой... я тоже женщина. Кстати, у этого англичанина действительно белые волосы? Откуда ты знаешь?

— От Тала, — ответила Джура. — Когда он пьян, всегда толкует об англичанке, на которой он так глупо женился. Однажды он высказался прямо в присутствии моей матери, и отец увел ее из комнаты.

Несмотря на уродливую гримасу, лицо девушки не потеряло красоты. Родители умерли, когда ей было пять лет, и Тал воспитал ее, как собственную дочь, вырастил в большом каменном доме-крепости, в котором не было ни одной женщины. Правда, раньше они были, но когда прачка не дала Джуре играть с острым боевым топором из страха, что она отрубит пальцы на ногах, Тал выгнал всех.

— Тал рассказал нам куда больше, чем мы хотели знать о его жизни в Англии, — продолжала Джура. Силин знала, что под словом «мы» девушка подразумевала Джералта, единокровного брата Джуры, и Дейра, который рос вместе с ними.

— Джура, — резко бросила Силин, — ты будешь есть эту рыбу или нет? Если будешь, поторопись, сможешь мне решить, что взять в поездку. Как потвоему, сестра нового короля будет в шелках? Наверное, она божественно красива. И станет смотреть сверху вниз на нас, ланкониек, как те франкские женщины два года назад?

Глаза Джуры блеснули.

— Тогда мы сделаем с ней то, что сделали с теми женщинами, — объявила она, набив рот рыбой.